

ВЫПОЛНЯЯ ДОЛГ ПЕРЕД ПАВШИМИ

БЕСЕДА С ПИСАТЕЛЕМ ГРИГОРИЕМ БАКЛАНОВЫМ

▲▲▲
Шли съемки фильма на месте бывших боев. Спустя десятилетия земля здесь все еще была перемешана с осколками. Лопаты то и дело звякали о металл — траншеи рыли там, где когда-то проходил передний край, и бурьян скрывал настоящие окопы, разрушенные временем, оплывшие.

Лопата выворотила тяжелый ком земли, и вдруг взгляду открылись останки бойца. Наверное, его завалило при взрыве, и все мнувшие годы он так и просидел в окопе. Трудно определить, кем он был прежде. Но по соседству нашли пряжку от офицерского ремня со звездой, позеленевшей от времени. Видимо, это был командир. Ясно было и другое: жизнь его оборвалась в самом начале пути. Больше ничего узнать о погибшем не удалось...

◆
Это произошло на съемках фильма по повести Григория Бакланова «Пядь земли» в районе бывшего Заднепровского плацдарма. Автор, восставший здесь почти четыре десятилетия назад, поднимал с земли развороченные лопатами осколки. Долго держал на ладони пряжку безвестного бойца. И думал о том, что должен рассказать о них, девятнадцатилетних, — это долг его перед павшими. Так был дан первый толчок для новой книги.

Григорий Бакланов напишет ее через пятнадцать лет и назовет «Навеки — девятнадцатилетние». Это повесть о поколении людей, которые очень молодыми уходили на войну, об их короткой и яркой жизни, о любви, о смерти, о бессмертии.

Григорием Баклановым написан ряд талантливых и честных книг о войне, известных в нашей стране, изданных во многих странах мира. Это роман «Июль 41 года», повести «Пядь земли», «Южнее главного удара», «Мертвые сраму не имут».

Новая его повесть в дни 35-летия нашей Великой Победы выходит отдельной книгой. Главному ее герою лейтенанту Третьякову 19 лет. Столько же было автору в ту военную пору, и он так же, как его герой, был артиллеристом, командиром взвода управления батареей.

— Значит ли это, что повесть ваша автобиографична? — мы беседуем с писателем в его рабочем кабинете.

— Нет, не значит, хотя многие подробности, конечно, автобиографичны. Вот, скажем, ранение Третьякова, да и сам бой на станции Ярцево — это примерно тот бой, в котором я участвовал тогда, в октябре 43-го. Конечно, что-то и от других сражений сюда привнесено, что-то додумано, но основа почти документальна. Помните, как был ранен Третьяков?

В какое-то мгновение он увидел с земли дыбом вставшую тучу, а на фоне ее стаю голубей. И вдруг одного голубя сбilo на лету пулей, подкинуло выше стаи. Потом он падал, роняя перья. Все это я видел — такого не выдумать. Я тоже, как Третьяков в повести, подумал тогда почему-то: «Убить меня сегодня!» Убить не убило, но тяжело ранило.

Или история в медсанбате, когда сестра предлагает Третьякову взять на память вырезанный у него осколок. А он говорит: «На что он мне?». Точно так я поступил тогда. Сейчас, наверное, интересно было бы иметь этот осколок, может быть, детям показать... На все, что сохранилось с тех времен, смотришь теперь другими глазами.

Одним словом, подробности в моих книгах, как правило, не выдуманы. Все это либо со мной было, либо с кем-то из тех людей, кого я знал. Либо так могло, должно было быть. За четыре года войны столько увидено,

что выдумывать не надо, надо только вспомнить и увидеть заново.

И место действия, как правило, — это места, где я бывал. Чаще всего действие в моих книгах происходит или на Северо-Западном фронте, в районе Старой Руссы, или на Юго-Западном фронте, который в дальнейшем был переименован в Третий Украинский. Это мои дороги войны.

В повести «Навеки — девятнадцатилетние» есть бой в районе Апостолова, под хутором Кравцы. Именно здесь наш первый дивизион 1232-го артиллерийского полка 9-й Запорожской артдивизии прорыва отражал контрудар немецких танков, пехоты и бронетранспортеров. Это был тяжелый бой, и многие погибли в том бою. В повести он описан не документально, а так, как Третьяков видит его. Но в основе — реальные события.

Так же точно в повести «Пядь земли» действие происходит на плацдарме, где был наш наблюдательный пункт, где мы сидели несколько месяцев, откуда потом перешли в наступление. Так началась Ясско-Кишиневская операция. Я и сейчас получаю письма от участников этой операции, которые, прочтя повесть, просят уточнить, в каком полку их дивизии я служил. Нередко эти люди воевали совсем в другой армии, обороняли другой плацдарм. За Днестром плацдармов у нас было несколько, и на каждом из них немцы пытались сбросить нас в реку. Оборону держали большой кровью.

Если о событиях рассказываете точно, у самых разных людей возникает ощущение, что это рассказано о них. И странно мне было встречать в отдельных рецензиях некую тень сомнения: не могло ли быть так? Не сгущены ли краски? Нет, не сгущены. Мы держались до последнего, потому что иначе было нельзя. Почему? Объясню словами комбата Бабина: «Наш плацдарм в немецкой обороне, как нож в теле. Куда немец ни сунется — чувствует в себе этот нож. И рад бы выдернуть, и не может. И руки связаны. А попробуй без такого плацдарма с ходу форсировать Днестр — и в наступление. Знаешь, сколько дивизий положишь тут?»

Задача писателя — не выдумывать события, а объяснять смысл происходящего. А подвиг народа может возвеличить только правда. Вот почему я считаю, что в книге все должно быть точно, от книги должно веять жизнью, воплощенной во плоти и крови.

Но ни об одном из персонажей моих книг я не могу сказать, что вот он — это я. Каждый составлен из многих, и в то же время в каждом в какой-то мере присутствует автор. Ведь, чтобы написать человека, надо на какое-то время стать им, прожить его жизнь.

— Вы вели как-нибудь запись на фронте? Помогают они вам теперь вспомнить подробности событий?

— Нет, никаких записей я не вел — не до того было. Кстати, потом уже, после войны, узнал, что и нельзя было, не разрешалось вести дневников на фронте. Смысл

этого запрета понятен: каждый такой дневник неминуемо содержал бы разведанные для противника. Может, если бы знал, что стану писателем, все же попробовал делать какие-то заметки. Но не знал, не ведал. Многие профессии привлекали меня перед войной, в частности, хотел быть врачом. Но никогда не думал, что возьмусь за перо. А теперь, конечно, жалею, что нет у меня ни строчки из того времени, они были бы бесценны.

Иногда читатели присылают мне письма времен войны вовсе не для того, чтобы их опубликовать, а просто в надежде, что пригодятся в работе над книгами. Спасибо им огромное за это — встречаются в этих треугольничках удивительные подробности, детали истории. Но в общем я полагаюсь на свою память, и пока еще она не подводила. Когда пишу, словно вижу заново то, что было, слышу голоса, вспоминаются даже запахи. Мир, возникающий перед глазами, вполне реален — иначе писать невозможно...

— Есть ли связь между повестью «Навеки — девятнадцатилетние» и новой книгой, над которой вы работаете сейчас?

— Определенная связь есть, хотя и герои другие, и время действия в этой повести — наши дни. Но в 42-м все там же, на Северо-Западном фронте, пути моего нового героя и Третьякова пересеклись, они были тогда ровесниками.

Третьяков погиб, а этот человек, которому теперь 56 лет, прожил долгую жизнь. Вот повесть и рассказывает о том, как он эту, дарованную ему жизнь прожил. Что он в ней сделал, чего не сделал. И в чем ответствен перед поколением — тем самым, в котором из ста мальчишек остались в живых лишь три или пять.

Рассказывать о книге более подробно нет смысла, поскольку она еще не закончена.

Что же касается более дальних замыслов, скажу только, что и следующая книга моя будет о войне. О 41-м годе, о битве за Москву — о самом тяжелом и героическом периоде Великой Отечественной.

...Григорий Бакланов — из того поколения, что дало советской литературе удивительно много писателей, верных своей фронтовой молодости и в каждой книге отдающих долг павшим. Всем им было тогда от 16 до 20 лет. И вот теперь они пишут правду о войне — за себя и за тех, кто сделать этого сегодня не может.

Они очень разные — писатели, что пишут сегодня о войне, что и под мирным небом слышат грохот боя. И каждый из них мог бы повторить слова юного лейтенанта — героя книги бывшего лейтенанта Григория Бакланова: «Мы не только с фашизмом воюем, мы воюем за то, чтобы уничтожить всякую подлость, чтобы после войны жизнь на земле была человеческой, правдивой и честной».

В этом бою рядом с писателями сражаются их герои.

Е. ХОРЕВА,
корр. ТАСС — специально для «Советской культуры».